

RU

Термины и терминосочетания со значением мести в структуре древнерусского права

Носов И. С.

Аннотация. Цель исследования - установить особенности лексики X-XIV веков в зависимости от происхождения и использования в различных контекстах посредством комплексного анализа реализации феномена мести в древнерусских памятниках письменности (договоры Руси с Византией, Русская Правда, Повесть временных лет). Отсутствие работ, посвященных употреблению лексических единиц со значением мести в рассматриваемых памятниках в аспекте формирования древнерусской терминологии права, свидетельствует о научной новизне статьи. В результате, посредством вычленения из памятников письменности терминов и терминосочетаний с ядерным компонентом «месть», было выведено представление о мести и ее роли в древнерусском обществе. В ходе анализа было уточнено значение самого термина, выявлены терминосочетания с ядерным компонентом.

EN

Terms and Terminological Combinations with the Meaning “Vengeance” in the Old Russian Law

Nosov I. S.

Abstract. The research objectives are as follows: within the framework of studying the Russian juridical vocabulary of the X-XIV centuries, the author tries to identify specificity of the “vengeance” concept representation in the Old Russian written monuments (treaties between Rus and the Byzantine Empire, Rus Justice, Primary Chronicle). Scientific originality of the paper is conditioned by the fact that for the first time in the Russian linguistics, the researcher conducts a comprehensive interdisciplinary study on the functioning of terms with the meaning “vengeance” in the Old Russian juridical texts. Novelty lies also in the fact that the problem is considered through the lens of the Old Russian juridical terminology formation. Relying on an analysis of factual material (terms and terminological combinations with the nuclear component “vengeance”) obtained by continuous sampling from the Old Russian juridical texts, the author clarifies the meaning of the term “vengeance”, reveals understanding of vengeance in ancient Rus.

Введение

Убийство всегда занимало особое место в правовой жизни любого общества, так как сущностная значимость (тяжесть) деяния затрагивала личностные интересы, а с развитием государственности – и общественные. Наказание за него обычное право, характерное для ранних стадий развития общества, повсеместно закрепляло в кровной мести. Использование норм обычного права обнаруживается исследователями в различных древнерусских памятниках письменности, что объясняется, в свою очередь, полиэтничностью, когда огромную роль играют обычай и традиция, относящиеся к разным культурам как собственно славянских, с одной стороны, так и принадлежащих к разным языковым группам (печенег, хазары, вятичи, чудь, меря и др.) соседних этносов – с другой, велико также влияние христианской Византии – с третьей. Этим обусловлен выбор конкретного материала исследования, непосредственным источником которого стали правовые (договоры Руси с Византией по Лаврентьевскому списку Повести временных лет 1377 года, Русская Правда в списках Краткой и Пространной редакций) и летописные (Повесть временных лет 1377 года по Лаврентьевскому списку) статьи, в которых нашли свое отражение акты мести.

Стоит особо отметить, что юридические тексты позволяют наиболее достоверно судить о реалиях своего времени, уточнять и конкретизировать исторические факты и явления, расширять историко-правовые, историко-культурные и, что наиболее важно в контексте нашей работы, историко-лингвистические знания. Именно поэтому современные исследователи подчеркивают необходимость в изучении Древней Руси в целом и явлений древнерусского языка в частности междисциплинарного подхода, позволяющего в результате

обращения к широкому кругу исторических, этнографических, культурологических, историко-правовых и др. исследований расширить и уточнить представления об историко-лингвистической проблематике.

Подобный подход определяется антропоцентризмом современной науки, что в лингвистике диктует приоритет не традиционного имманентно-семиологического исследования языка, но рассмотрения его в связи с человеком как носителем некоего культурного кода и – в итоге – воссоздания языковой картины мира того или иного этноса.

Полевое исследование лексики, все шире применяемое как один из методов современной лингвистики и в синхронии, и в диахронии, позволяет представить лексику не как перечень лексем, а как целостную систему, а само слово не только как лингвистическую единицу, но как элемент, связанный с культурой этноса.

Все это позволяет говорить об актуальности исследования, направленного на рассмотрение процесса формирования терминологического аппарата древнерусского права в целом и образования специальных – терминологических – значений у единиц общенародной лексики на примере вербализации значения 'месть'.

В соответствии с целью формулируются следующие задачи:

- проведение лексикографического анализа термина «месть», зафиксированного в историко-лингвистических и правовых словарях;
- выявление методом сплошной выборки лексических единиц с семантикой 'месть' в различных памятниках письменности;
- анализ семантики терминов, общеупотребительных слов и выражений с исследуемым значением 'месть', представленным лексическими и фразеологическими единицами;
- контекстуальный анализ найденных в текстах исследуемых памятников слов и выражений с семантикой 'месть', представленных лексическими и фразеологическими единицами.

В ходе исследования были использованы как сугубо лингвистические, так и общенаучные методы. Так, метод сплошной выборки позволяет вычлени в исследуемом памятнике релевантные в рамках исследования контексты и, таким образом, установить состав лексических единиц с ядерным значением «месть», для исследования которых, опираясь на выводы различных лексикографических источников, были широко использованы приемы компонентного и дефиниционного анализа. Основываясь на выводах различных лексикографических источников, использование контекстного метода с применением научной литературы и комментариев исследователей различных областей науки позволило наиболее объективно семантизировать те или иные компоненты.

В процессе анализа привлекались лексикографические материалы историко-лингвистических, этимологических и юридических словарей, а также теоретические исследования историков языка, культуры, государства и права и комментарии к исследуемым памятникам, что обеспечивает междисциплинарность настоящего исследования.

Теоретической базой исследования явились лексикографические материалы историко-лингвистического («Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам» И. И. Срезневского [13]) и юридического («Толковый словарь древнерусских юридических терминов: от договоров с Византией до уставных грамот Московского государства» М. А. Исаева [2]) словарей, а также теоретические исследования историков языка, культуры, государства и права, комментарии к исследуемым памятникам в различных изданиях.

Так, историки права В. Е. Лоба и С. Н. Малахов изучают условия развития и функционирования уголовно-правовых норм в древнерусском обществе [4].

М. Н. Тихомировым проведено комплексное изучение древнерусского города в аспектах экономического, политического, социального, культурного развития от времени возникновения древнерусской общности до монголо-татарского нашествия [15].

В изучении древнерусского права актуален также анализ материалов договоров Руси с Византией и Русской Правды, осуществленный С. В. Юшковым, который посвящен истории государства и права Киевской Руси, а также подробно исследуется устройство различных социальных институтов того периода [16].

Как показывает анализ научной литературы, в современной истории права широко используются и развиваются идеи и выводы, изложенные В. И. Сергеевичем, исследующим развитие социально-экономических связей, юридических отношений, политической структуры древнерусского общества [11]. Практическая значимость настоящей статьи заключается в непосредственном применении в процессе преподавания русского языка в высших учебных заведениях при углубленном изучении лексики древнерусского языка, а также при написании учебно-методических пособий по древнерусскому языку.

«Мечь» как предмет междисциплинарного исследования

Термин *кровная мечь* не имеет в своем значении маркера оценки, сохраняя, таким образом, связь с индоевропейской ритуально-правовой лексикой, что приводит к выводу «о недифференцированности... понятия 'платы', 'возмещения' в ритуально-правовом смысле. Кровная мечь считается таким же возмещением (платой за кровь), как и возмещение за убыток или плата за невесту» [1, с. 809]. Аналогично по существу и решение князя Владимира, осознавшего после принятия крещения греховность любого убийства (казни) и отменившего смертную казнь: *живаши же Володимерь в страсть Бжѣи. и оумножишася [зело] разбоеве. и рѣша епѣи Володимеру. се оумножишася разбоиници. почто не казниши ихъ. ѿн же речимъ боюса грѣха* [3, л. 43 об.]. Немаловажен и тот факт, что возвращение к *устроенью итѣню и дьдню* продиктовано церковью и не вменяется с точки зрения автора (православного монаха) князю в вину: *ѿни же рѣша ѣму тѣи поставленъ ѣси*

въ Баѣ. <...> казнити разбоиника. <...> Володимеръ же отвергъ виръ нача казнити разбоиникъ. и рѣша еписпи и старци. <...> по устроенью итѣню и дѣдню [Там же, л. 43 об. – 44]. Одновременно с возвращением прежних норм наказания преступников возвращалась и традиция кровной мести.

Согласно словарю И. И. Срезневского, слово *мѣсть* многозначно и имеет следующие значения: ‘возмездие, наказание, мщение’; ‘казнь, наказание’ [13, т. 2, стб. 235], что позволяет в качестве исходного значения выделять первое, понимаемое как внесудебную кару, самоуправство, восходящее, однако, к нормам морали и традициям обычного права. Второе – сформированное на новом уровне развития общества и государства – значение позволяет рассматривать мѣсть как результат обращения к высшей государственной власти, то есть к князю (решения княжьего суда). Судя по ст. 33 Краткой редакции Русской Правды «Или смердѣ умучат, а безъ княжа слова, за обиду 3 гривны» [9, т. 1, с. 72], мѣсть как внесудебная кара все больше замещалась княжьим судом, а случаи самосуда становились незаконными, на что указывает другой термин русского права – *убиение за голову* (ст. 2 Пространной редакции Русской Правды «По Ярославъ же паки совкупившесѣ сынове егъ... и мужи ихъ... и итложиха **оубиение за голову**, но кунами сѣ выкупати» [Там же, с. 104]), представляющий собой эквивалент термина *мѣсть*, который трактуется как ‘мѣсть по решению суда’.

В современной истории права М. А. Исаев демонстрирует широкую трактовку понятия: «Мѣсть – это общее обозначение наказания в виде кровной мести» [2, с. 61]. В. Е. Лоба и С. Н. Малахов разграничивают понятия кровной и личной мести: *кровная мѣсть* есть «ответное действие на обиду (убийство), влекущее за собой желание мести» [4, с. 59]. По мнению большинства исследователей Русской Правды, данный вид мести представляет собой реликт и встречается только в первой статье Русской Правды. В других контекстах наблюдается *личная мѣсть* – ответные действия пострадавшего на действия своего обидчика, результатом которых могли стать действия пострадавшего, аналогичные обиде (нанесение обидчику тех же увечий) или взыскание соответствующей обиде денежной выплаты, убивать же обидчика не имелось права. В. И. Сергеевич относил мѣсть к ненаказуемым убийствам [11, с. 409].

По лексикографическим источникам, «под обидой в Русской Правде подразумевается любое причинение морального, физического или материального вреда» [14], аналогично и мнение В. Е. Лобы и С. И. Малахова [4]. Современные историки права дают более широкую трактовку термина. Так, М. А. Исаев, кроме значения «несправедливость, оскорбление, лат. iniustitia; ущерб, лат. поха», выявляет в юридических актах использование «в качестве обозначения понятия преступления» и подчеркивает: «...в общем смысле преступление – это обида для кого-то. В древности преступление (правонарушение) так и понималось; ср. известное выражение “кровная обида”, означавшее преступление, наказывавшееся в порядке кровной мести» [2, с. 65]. Аналогичны мнения историков государства и права М. Н. Тихомирова (если убийство произошло за обиду, нанесенную огнищанином (см. ст. 19 Краткой редакции «Аще **убиют** огнищанинъ **въ обиду**, то платити за него 80 гривенъ убоици, а людемъ не надобъ» [9, т. 1, с. 71]), то оно рассматривается традиционно как акт мести; но можно *убити въ обиду* рассматривать как убить несправедливо, умышленно, что и влечет за собой желание мести [15]), В. Е. Лобы и С. Н. Малахова [4].

Л. К. Гетц, а вслед за ним Б. А. Романов на основании того факта, что любое убийство – это обида для кого-то, соотносят данную статью со статьей 6 Пространной редакции Русской Правды, приравнивая, таким образом, *убийство в обиду* в статье 19 *убийству в сваде или в пиру*: «Но оже будет **оубильъ** или **въ свадѣ** или **в пиру** явлено, то тако ему платити по верви нынѣ, иже сѣ прикладываютъ вирою» [9, т. 1, с. 104]. В. И. Сергеевич убийство в обиду относил к наказуемым [11, с. 409].

Основное лексическое значение слова *свада* – ‘ссора’ [12, вып. 23, с. 92]. По мнению историков права, *убийство в сваде* как убийство в гневе приравнивается к *убийству на пиру*, то есть при алкогольном возбуждении [11], они считались в древнерусском праве смягчающими вину обстоятельствами [2].

Анализ контекстного употребления терминосочетаний и комментарии их семантики исследователями приводят нас к следующим определениям их семантики:

убити в сваде и *убити в пиру* обозначают действия, которые совершены в состоянии эмоционального или алкогольного возбуждения явно, но *убийство в сваде* является неумышленным, совершаемым под воздействием эмоций, не является актом мести, но может повлечь ее желание;

убийство в обиду может быть как умышленным и осознанным – значит осуществить акт мести за нанесение обиды (возможно, любого преступления), так и неумышленным – совершение противоправного деяния, убийства под воздействием эмоций или в силу иных обстоятельств, что и влечет за собой желание мести.

Также в значении мести за нанесенную обиду понимается и терминосочетание *убити за пса (в пса) место* в ст. 21 Краткой и ст. 40 Пространной редакций Русской Правды, которое представляет особый интерес, прежде всего, по эволюции его семантики в истории языка.

В. И. Сергеевич объясняет появление фраземы принятием христианства на Руси и возводит ее к Библии (закону Моисея) [11]. М. А. Исаев объясняет семантику терминосочетания, опираясь на архаические представления индоевропейцев о понятии *пѣсь*: «В древнерусском праве, как и у всех индоевропейских народов, использовался в качестве символа позорной смерти» [2, с. 72].

Приводя фразеологизмы *собачья смерть*, *собаке собачья смерть*, М. И. Михельсон дает три объяснения их семантики: «смерть без покаяния» (на Руси смерть без предсмертного покаяния называли собачьей смертью, то есть без исповеди, а дурного, недостойного человека, негодяя называли собакой); тяжелая смерть – связывается с реалиями монголо-татарского ига (данное выражение, вероятно, появилось в период противостояния придерживавшихся вместе ордынской стороны Рязанских и Владимирских князей), исходя из того,

что этой конструкции грамматически эквивалентно выражение «собаке смерть собаками», то есть от собак, фразему следует считать игрой слов, «собачья смерть» – это казнь, использовавшаяся в древности в отношении пленных, которых выводили на лёд и затравливали собаками до смерти. В выражении первое слово *собака* имеет значение низкого служаки или просто холопа. Таким образом, фразема *собаке собачья смерть* становилась игрой слов, приобретая приблизительное значение «низкому служаке смерть от таких же, как он, не выше». Третье возможное толкование, по М. И. Михельсону, смерть без захоронения [5].

Сугубо негативная коннотация и терминосочетания Русской Правды, и современных вариантов фразеологизированных словосочетаний со словом *пес* находит объяснение в этимологии этого слова, которая непосредственно связана с историей русской бранной лексики. Терминосочетание Русской Правды *убити во пса место* является, таким образом, реликтом, ведущим свое начало от времени, когда на Руси воровство каралось смертью без суда, а после принятия христианства произошел отказ от данной нормы. На архаичность употребления слов *пес* и *собака* в отношении поведения человека указывает и их фразеологизированное употребление. О глубокой архаике свидетельствует не только возникновение устойчивого сочетания *убити во пса место*, но и его высокая негативная и даже бранная экспрессивность, безусловно, неуместная для правового документа. Вероятно, ко времени включения его в Русскую Правду бранная экспрессивность уже не осознавалась, а включено в статью оно было «по памяти народа».

Таким образом, на основании древнерусских правовых памятников мы можем выделить две разновидности мести. Раньше всего месть (кровная месть) понималась в соответствии с обычным правом как внесудебная кара, самоуправство и являлась правом рода за нанесенную обиду. Далее под влиянием контактов с Византией и с развитием государственности по образцу римского права месть (как и любое общественно значимое событие) становится прерогативой местной власти, вытесняя из обихода естественным образом эмоциональную составляющую – обиду.

Вербализация актов мести в договорах Руси с Византией

В соответствии с делением на статьи, предлагаемым в издании под редакцией А. А. Зимина, в памятнике акт мести реализуется в ст. 6 договора 911 года и ст. 13 договора 944 года, в которых месть реализуется фраземой *убьен будет*.

Так, в ст. 6 договора 911 года повествуется об убийстве на месте преступления татя («*и сем. аще оукрадѣ что Русин любо оу хрестянина. или пак хрестянинъ оу Русина. и гѣтъ будѣтъ в том час татѣ. егда татѣ створит. ѿ погубившаг что любо. аще приготовитьс тат творѣи. и оубьенъ будѣтъ. да не взичетъс смрът ег. ни ѿ хрестянь. ни ѿ Роус. но паче оубо да возмет свое иже погубил. аще даст роуцьсвои оукрадыи. да гѣтъ будѣтъ. тѣмже оу негож боудет оукрадено. и связанъ будѣтъ ѿдасть тое. еже смъ створити. и сотворит тричи*» [8, с. 7-8]), смерть которого, в соответствии с перечисленными в данной статье условиями, по закону не взыскивалась.

Соглашаясь с таким подходом к трактовке содержания статьи, мы приходим к выводу, что здесь отражена допустимая мера наказания татя, застигнутого на месте преступления. Аналогичны по содержанию ст. 38 Краткой редакции Русской Правды: «*Аще ли убьютъ татя на своемъ дворѣ, или у клѣтъ, или у хльва, то тои убить и естъ; аще пакы держат его до свѣта, то вести его на княжь дворѣ; сиче ли убьютъ его, а люди видѣли связана, то платити в немъ*» [9, т. 1, с. 72], и ее вариант – ст. 40 Пространной редакции Русской Правды, анализируя которые можно прийти к выводу, что действие, приводящее к смерти татя, является результатом наказания за его преступное деяние, то есть представляет собой меру наказания – убийство как традиционная месть (фактически месть за обиду, которая является досудебной карой).

Аналогично понимали данное употребление термина современные историки права В. Е. Лоба и С. Н. Малахов [4]; В. И. Сергеевич, М. Н. Тихомиров лишь допускают убийство татя с учетом перечисленных в данной статье условий [11; 15]. Историк государства и права С. В. Юшков вообще не видит в Русской Правде смертной казни, но отмечает, что убийство вора у клети не подлежит наказанию, но если вор был связан, то его необходимо вести на «княжий двор», то есть на суд. За убийство связанного вора следует штраф [16].

Стоит заметить, что подобная мера наказания продиктована, вероятно, византийскими кодификаторами и восходит к ветхозаветной традиции – закону Моисея (см. Исх. XXII, 2-3).

Анализируя ст. 13 договора 944 года «*аще оубьеть хсеженинъ Русина. или Русинъ хсеженина. и да держимъ будѣтъ створивъги убиство. ѿ ближних оубьенаго да оубьютъ и. аще ли оускочитъ створивъги оубои. и оубьжитъ аще будѣтъ имовитъ да возмуть имъне ег. ближнии оубьенаго. аще ли естъ неимовитъ и оускочитъ же. да ищють ег дондеже вбръщется аще ли вбръщется да оубьенъ будѣтъ*» [8, с. 33-34], исследователи однозначно определяют наказание, передаваемое глагольными формами *да оубьютъ* и *да оубьенъ будѣтъ*, как лишение жизни по решению суда [11; 15; 16].

Вербализация актов мести в Русской Правде

В соответствии с делением на статьи, предлагаемым в издании под редакцией Б. Д. Грекова, в Русской Правде месть отмечается в ст. 1, 19, 21, 38 Краткой редакции и ст. 1, 2, 40 Пространной редакции. В этих статьях использованы следующие лексические средства выражения семантики «месть»: *убити, оубиение за голову, убити в обиду, убити за пса мѣсто*.

В ранее предпринятом нами исследовании «Лексические средства реализации значения *убить* в древнерусском языке (по материалам Русской Правды)» [6] мы пришли к выводу, что в статьях 1, 19-27, 38 Краткой редакции и статьях 1-21, 88-89 Пространной редакции Русской Правды безусловно обозначено преступное лишение жизни разных по положению служащих князя. Исследователи древнерусского права В. Е. Лоба и С. Н. Малахов считают, что в перечисленных статьях Русской Правды объектом охраны является жизнь человека, а противоправное деяние (убийство) рассматривается ими не как имущественный вред, а как причинение обиды, поэтому лишь четко определенный круг близких родственников убитого мог мстить, что объясняется, вероятно, тем, что их больше всех задевала нанесенная обида и могла повлечь за собой желание мести. Именно они имели право преследовать преступника [4] (см. ст. 1 Пространной редакции по Археографическому I списку Троицкого вида («Аже **оубиеть** мужъ мужа, то мьстити брату брата...») [9, т. 1, с. 104] и ст. 1 Краткой редакции Русской Правды по Академическому I списку середины XV века («**Убиеть** мужъ мужа, то мьстьтъ брату брата...») [Там же, с. 70]).

Таким образом, статьи 1, 19-27, 38 Краткой редакции и статьи 1-21, 88-89 Пространной редакции Русской Правды конкретизируют как находящихся под защитой закона лиц, так и меру наказания за их убийство, однако в соответствии со ст. 1 Русской Правды (Краткой и Пространной редакций) может быть осуществлена и месть за нанесенную обиду кодифицированными в данной статье родственниками убитого.

В ст. 2 Пространной редакции Русской Правды «По Ярославъ же паки совкупившеса сынове егъв: Изаславъ, Святославъ, Всеволодъ и мужи ихъ: Коснѣчко, Переньгъ, Никифоръ, и ѿтложиша **оубиение за голову**, но кунами съ выкупати» [Там же, с. 104] фраза *убиение за голову* представляет лишь санкционированное обычным правом убийство. Следует отметить, что понятие мести шире и подразумевает не только санкционированное властями убийство, а является правом рода, отмену которого, учитывая силу родственных связей на Руси, сложно представить. А значит, логично предположить, что в данной статье под *оубиением* следует понимать отмену кровной мести по судебному решению (т.к. казнь, доведенную до предела, большинство исследователей в Русской Правде не обнаруживают), однако ее досудебная форма продолжала существовать, но, безусловно, уже в ограниченной форме, что связано с усилением роли государственной власти в жизни древнерусского общества – развитием правовой системы.

С учетом уже описанного выше терминосочетания *убити в обиду* ст. 19 Краткой редакции Русской Правды «Аще **убиют** огнищанинъ **въ обиду**, то платити за него 80 гривенъ убоици, а людемъ не надобъ» [Там же, с. 71] определяется как злоумышленное убийство посредством мести за нанесенную обиду. Однако историки государства и права М. Н. Тихомиров [15], В. Е. Лоба и С. Н. Малахов [4] не дают четкой оценки данной правовой статье, оставляя ее смысл за возможным вариантом прочтения (см. выше).

Терминосочетание *убити за пса мѣсто* (семантику фраземы см. выше) ст. 21 Краткой редакции «А иже убиют огнищанина у клитъ, или у коня, или у говяда, или у коровы татбъ, то **убити за пса мѣсто**; а тои же поконъ и тивуницю» [9, т. 1, с. 71] толкуется как сама возможность безнаказанно убить вора, пойманного на месте преступления. По мнению М. Н. Тихомирова, вопрос вызывает объект действия: «...кого следует убить, как пса, – воруемого огнищанина или убийцу огнищанина, защищавшего княжеское имущество» [15]. Вслед за В. И. Сергеевичем, советские и современные историки и историки права считают, что речь идет о безнаказанном разрешении убийства того, кто убьет защищающего княжеское имущество огнищанина [11; 16]. Однако большинство исследователей определяют данное действие как самоуправство, то есть месть за нанесенную обиду, реализованную с учетом перечисленных в статье условий и ограничений и приводящую к смерти татя [4; 9].

Безусловно, смерть является результатом наказания в ст. 38 Краткой редакции Русской Правды и ее варианте – ст. 40 Пространной редакции Русской Правды, где закрепляется мера наказания татя, застигнутого на месте преступления.

Вербализация актов мести в Повести временных лет

Как показывает анализ, в Повести временных лет «месть» выражена следующими лексическими средствами: *мьстити, избити, иссьчени, убити, кровь проливати*.

Так, сам термин *месть* представлен в описании расправы над белозерскими волхвами («и речъ *Ань повозникомъ* *ци кому васъто родинъ убьенъ ѿ сею. ѿни же рѣша мнѣ мѣти. другому сестра. иному роженъ. ѿн же речъ имъ. мьстити своихъ. ѿни же поимше оубиша г. и повѣсиша є на дубъ ѿмьстьє приимше ѿ Ба по правдѣ» [3, л. 60]) и исторически связан с правом рода, но в контексте описываемых событий представляет собой казнь, о чем свидетельствует и причина пребывания Яна Вышатича в Белозерье – расследование и пресечение восстания волхвов по повелению князя. Кровная месть не нуждается в судебном разбирательстве, тогда как описанный в летописной статье процесс расправы с мятежниками-волхвами – казнь, всегда подразумевает наличие приговора, который вербализован призывом Яна Вышатича *мьстити своихъ*. Только после него осуществляется расправа над мятежниками: *ѿни же поимше оубиша г. и повѣсиша є на дубъ*. Так, глагол *мстити* в приведенном нами контексте обретает семантику мести посредством казни в результате судебного разбирательства князя.*

В описании мести Ольги в летописной статье под 946 годом («Деревляне же рекоша. ради сѧ бѣхомъ гели по дань. но хоцещи **мьцати** мужа своего. речъ же имъ Слъга. гько азъ **мьстила** оуже **ѿбиду мужа** своего. когда придоса Киеву. второе и третье. когда творихъ трызну мужеву своему. а оуже не хоцю **мьцати**») [Там же, л. 16 об.] термин *мстити* употреблен в прямом значении – ‘акт кровной мести и его осуществление’.

Глаголом *избити* выражена *месть в обиду*, факт которой налицо – *насилъє творѣху* в летописной статье, описывающей события русской истории «и *насилъє творѣху Новгородцемъ и женамъ ихъ вставше Новгородци избивша Варягы*». Семантика глагола *избити* определяется значением приставки *из-*, обозначающей доведение действия до предела, полноту действия, и семантикой полисемичного глагола *бити*, одно из значений которого, согласно лексикографическим данным, ‘убить, уничтожить, перебить (о людях)’ [12, вып. 6, с. 98-99].

Глагол *иссѣчени* (который, подразумевая под собой убийство, носит семантику, согласно словарю И. И. Срезневского, ‘изрубить, избить’ [13, т. 1, стб. 1167-1168]) реализует личную обиду в контексте об избииении варягов в Новгороде «и *разгнѣвася Ерославъ. и шедъ на Рокомъ. съде въ дворъ. пославъ к Новгородцемъ реч. оуже мнѣ сихъ не кръсити. и позва к собѣ нарочитѣмъ мужи. иже блѣху иссѣкли Варягы. вблѣтивъ и иссѣче* [3, л. 48], и *пришедъ Мъстиславъ иссѣче иже бѣша въсѣкли Всеслава. числом. о. чади. А другыѣ слѣпиша. другыѣ же без вины погуби не испытавъ* [Там же, л. 58 об.]» и приобретает иной оттенок значения – судебное разбирательство князя по подобию кровной мести, являя собой реликт обычного права.

В соответствии со статьями Русской Правды «о татьбе», в которых убийство в определенных обстоятельствах является допустимой мерой наказания татя, застигнутого на месте преступления, трактуется летописная статья под 975 годом «*Ловъ дѣюще Свѣналдичю. именемъ Лютъ. ишедъ бо ис Кисва гна по звѣри в льсть. и оузръ и Гзлезь. и речъ кто се естъ. и рѣша ему Свѣналдичъ. и заъхавъ уби и. бѣ бо ловъи дѣа Гзлезь*» [Там же, л. 23]. Правовая коллизия состоит в том, что Лют Свенельдич охотился на земле Олега Святославича, что приравнивалось к татьбе, а значит, Олег мог воздать виновному, по трактовке данных статей Русской Правды В. И. Сергеевичем, «столько, сколько под влиянием раздраженного чувства он находил нужным» [11, с. 372]. Таким образом, убийство здесь представляет осуществление традиционной мести за нанесение обиды, оно может быть как неумышленным (под воздействием эмоций), так и умышленным и осозанным (что отражено в летописной статье).

Потенциальное наличие кровной мести содержится в дохронологической части Повести временных лет, дающей описания нравов и быта различных народов мира.

Так, в описании древлян «а *Древляне живѣху звѣринскимъ вбразомъ. жиоуще скотьски. оубиваху другъ друга*» [3, л. 5] глагол во фраземе *оубиваху другъ друга* в восприятии летописца безусловно обозначает противоправное деяние. Интерпретируя описание с историко-этнографических позиций, академик Б. А. Рыбаков писал: «По сравнению с “мудрыми и смыслеными” полянами их лесные соседи, древляне и радимичи, действительно производили впечатление малокультурных племен, “живущих скотьскы”. Первобытнообщинный строй здесь был в полной силе. Из летописи мы узнаем то, что... древляне “убиваху друг друга”, в чем, очевидно, следует видеть родовую кровную месть» [10, с. 86]. Однако стоит заметить, что, по нашему мнению, фразема *оубиваху другъ друга* может обозначать не только кровную месть, но и Божий суд как частный вид ордалии, который на Руси назывался *полем*.

Аналогична семантика глагола *убивати* в описании правового быта древних ассирийцев и вавилонян, у которых и кровная месть, и ордалии имели место: «...*етеръ же законъ Халдѣемъ Вавилонѣмъ. мѣри поимати. съ братними чадѣ блудъ дѣяти и оубивати всакоє бо студеноє дѣанье*» [3, л. 5 об.].

Таково же употребление фраземы *кровъ проливати* [7] в описании быта половцев «*коже се и при насъ нынѣ. Половци законъ держатъ вѣь своихъ. кровъ проливати а хвалце в сихъ*» [3, л. 6], где летописец резко негативно – как убийство – оценивает нормы обычного права, допускающие кровную месть и ордалии по типу судебного поединка.

Заключение

Выводы. Предпринятое нами исследование является междисциплинарной попыткой изучения семантического поля «месть». Проведенный лексикографический анализ показал, что в исследованных памятниках значение «месть» передается следующими терминами: *месть/мстити* (более точно делится на кровную и личную), *убити*, терминоточетаниями: *убиение за голову, убийство в обиду, убийство за пса (в пса) место*, а также лексемами *избити, иссѣчени, убити, кровь проливати*.

Были выявлены методом сплошной выборки лексический и терминологический фонды с общей семантикой ‘месть’.

Анализ семантики терминов, общеупотребительных слов и выражений с исследуемым значением ‘месть’, а также их контекстуальный анализ показали, что традиционная месть играла важную роль в жизни древнерусского общества, но еще со времен князя Олега начинается влияние византийского законодательства, что приводит к усилению роли государственной власти и отмиранию обычного права.

Исследование Повести временных лет показало, что почти все изученные компоненты семантического поля утрачивают в памятнике терминологический характер и являются либо фактическим указанием на событие или явление, либо их художественным описанием, что, в свою очередь, является этической оценкой описываемых монахом-летописцем событий.

При сравнении Русской Правды и договоров Руси и Византии можно сделать вывод о трансформации семантики мести в анализируемый нами период. Так, в рамках древнерусской действительности наблюдается наличие целого ряда оппозиций, связанных с церковнославянской культурой и собственно русской (в первую очередь, в области культуры и быта), обычного права и римского законодательства (в области взаимодействия государственной власти и населения), что явилось в последствии взаимодействием всех этих систем.

Таким образом, традиционная месть играла важную роль в жизни древнерусского общества, но еще со времен князя Олега начинается влияние византийского законодательства, что приводит к усилению роли

государственной власти и отмиранию обычного права. Так, уже при Ярославичах месть по решению суда (убиение за голову) была отменена с целью упразднения мести вообще как «института» права, который в силу естественных обстоятельств уже ослаб, на что указывает случай с Яном Вышатичем – люди не мстили волхвам, как этого еще недавно требовал обычай (что связано, надо полагать, с укоренившейся в сознании народа легитимностью княжеского суда – закона), а на смену мести закономерно пришла судебная казнь. Большую роль в отмене традиционной для древних мести сыграло и принятие христианства. Так, историки церковного и древнерусского права отмечают, что со временем на Руси своеобразным идеологом и «законодателем» нравов становилась церковь.

Перспективы исследования мы видим в определении роли мести в жизни древнерусского общества посредством ее сопоставления с другими обычаями и традициями, что позволит наиболее достоверно судить о реалиях того времени, уточнить и конкретизировать исторические факты и явления, проследить этапы становления системы права Древней Руси.

Список источников

1. Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры: в 2-х ч. Тбилиси: Изд-во Тбилис. ун-та, 1984. 1423 с.
2. Исаев М. А. Толковый словарь древнерусских юридических терминов: от договоров с Византией до уставных грамот Московского государства. М.: Спарк, 2001. 119 с.
3. Лаврентьевская летопись. М.: Языки русской культуры, 2001. 496 с.
4. Лоба В. Е., Малахов С. Н. Уголовное право Древней Руси XI-XII вв. (по данным Русской Правды): монография. Армавир: РИО АГПА, 2011. 176 с.
5. Михельсон М. И. Большой толково-фразеологический словарь [Электронный ресурс]. URL: http://dic.academic.ru/contents.nsf/michelson_new/ (дата обращения: 14.12.2020).
6. Носов И. С. Лексические средства реализации значения «убить» в древнерусском языке (по материалам Русской Правды) // Актуальные проблемы филологии и журналистики: сборник научных трудов. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2014. Вып. 3. С. 28-38.
7. Носов И. С. Фразеология со значением «убить» в «Повести временных лет» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 6 (72). Ч. 2. С. 131-134.
8. Памятники русского права / под ред. С. В. Юшкова. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1952. Вып. 1. Памятники права Киевского государства X-XII вв. 287 с.
9. Правда Русская: в 2-х т. / под ред. Б. Д. Грекова. Л.: Изд-во АН СССР, 1940. Т. 1. Тексты. 505 с.
10. Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. М.: Наука, 1987. 783 с.
11. Сергеевич В. И. Лекции и изслѣдованія по древней исторіи русскаго права. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1903. 664 с.
12. Словарь русского языка XI-XVII веков. М.: Наука, 1979. Вып. 6. 360 с.; 1996. Вып. 23. 253 с.
13. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: в 3-х т. СПб.: Тип. ИАН, 1893. Т. 1; 1902. Т. 2.
14. Сухарев А. Большой юридический словарь [Электронный ресурс]. URL: <http://determiner.ru/dictionary/201/symbol/207> (дата обращения: 14.12.2020).
15. Тихомиров М. Н. Пособие для изучения Русской Правды [Электронный ресурс]. URL: <http://historic.ru/books/item/f00/s00/z0000083/st007.shtml> (дата обращения: 14.12.2020).
16. Юшков С. В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1949. 541 с.

Информация об авторах | Author information

Носов Илья Сергеевич¹

¹ Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарева, г. Саранск

Nosov Ilya Sergeevich¹

¹ N. P. Ogarev's Mordovian State University, Saransk

¹ classic3@list.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 17.09.2020; опубликовано (published): 10.02.2021.

Ключевые слова (keywords): древнерусская правовая лексика; термины и терминоточетания со значением мести; договоры Руси с Византией; Русская Правда; Повесть временных лет; Old Russian juridical vocabulary; terms and terminological combinations with the meaning “vengeance”; treaties between Rus and the Byzantine Empire; Rus Justice; Primary Chronicle.